

Ядерные падежи существительных в энецком языке: в поисках адекватного описания¹

Выставлять статью на суд Ариадны Ивановны страшновато. Ведь заранее знаешь, что адресат иронически покачает головой и улыбнется – и если не скажет, что, может быть, всё это не стоило и писать, то уж точно подумает. И тем не менее, мы рискнем: слишком уж хочется поздравить Ариадну Ивановну с юбилеем, тем более что, как нам с неизбежностью начинает казаться всё больше и больше, вся наша нынешняя самоедологическая деятельность была бы невозможна без выучки Ариадны Ивановны на самых разных этапах и в самой разной форме. У Ариадны Ивановны мы впервые учились работать с конкретным лингвистическим материалом – когда она преподавала нам старославянский язык на первом семестре первого курса (совершенно неожиданно: «Андрей идет склонять *петуха*», – а Андрей, конечно же, ничего не знает и строит формы из каких-то очень примесных общих соображений; как после этого не запомнишь, что материал надо знать). Ариадне Ивановне мы обязаны нашим первым близким знакомством с уральским материалом – в рамках спецкурсов по имени и глаголу в уральских языках (кажется, именно на зачете по одному из них нами была впервые услышана ее излюбленная сентенция: «Пять минут по-зора, а зачет на всю жизнь»). Ариадна Ивановна высказывала неизменно дружелюбную, но и неизменно убийственную критику всех наших наивных и претенциозных научных построений (Олеся всю жизнь будет помнить, как на конференции в Казани Ариадна Ивановна сказала ей, что с таким материалом – элицированными ненецкими предложениями типа *Вася ест булочку* – вообще не имеет смысла работать; правота Ариадны Ивановны стала очевидной не сразу, но зато

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» («Endangered Languages Documentation Programme», ELDP) при Институте Азии и Африки Лондонского университета. Фактическим материалом послужили современные естественные тексты, записанные авторами, М.А. Овсянниковой, Н.М. Стойновой, С.А. Трубецким 2005–2010 гг. в пос. Потапово, пос. Воронцов и Тухарской тундре; архивные естественные тексты, записанные в 1960–1990-х гг., записи которых были любезно предоставлены Дудинским отделением ГТРК «Норильск», Таймырским Домом народного творчества, Д.С. Болиной, О.Э. Добжанской, И.П. Сорокиной, А.Ю. Урманчиевой; элицированные данные, полученные в 2008–2011 г. Авторы приносят глубокую благодарность всем своим консультантам-переводчикам. Все приводимые нами неоднословные примеры без ссылок на источник взяты из естественных текстов; элицированные примеры сопровождаются пометой (elic.).

очевидной насколько!). Ариадна Ивановна благословила нашу первую энецкую поездку, снабдив нас базовой литературой (ксерокопии, сделанные тогда с ее личных книг, так и сопровождают каждого из нас с тех пор постоянно).

Ариадна Ивановна! Мы знаем, что задача, которую мы ставим перед собой в этой статье, – распутать сюжет, который, с одной стороны, выглядит совсем уж простым (всего-то, казалось бы: есть ли в энецком языке у существительного родительный падеж? а винительный?), а с другой стороны, весьма запутан в имеющейся (совсем небольшой!) литературе – покажется Вам амбициозной, а наше решение – в лучшем случае спорным. Но предложить его – единственный способ, во-первых, услышать от Вас, что же в нашем решении не так, а во-вторых, выяснить: если не так, как предлагаем мы, то как же тогда?

1. Введение в проблему и обзор литературы

Как известно, падежная система энецкого языка, как и других северо-самодийских языков, естественно делится на две группы падежных форм²: ядерные падежи (именительный и какие-то еще) и локативные падежи (дательный, местный, отложительный и продольный). Помимо интуитивно ясных, но логически не всегда безупречных семантических оснований для данного противопоставления (ядерные падежи используются для базовых синтаксических позиций имени, локативные – для более периферийных), в энецком языке речь идет об очевидном морфологическом различии. Так, притяжательные формы локативных падежей образуются при помощи присоединения притяжательных показателей к показателям падежа (в (1) представлена притяжательная форма 1 лица единственного числа обладателя местного падежа единственного числа), а притяжательные формы ядерных падежей – непосредственно прибавлением притяжательных показателей к основе существительного, за счет чего выбор алломорфа притяжательности оказывается единственным способом выражения ядерного падежа (в (2) представлена притяжательная форма 1 лица единственного числа обладателя именительного падежа единственного числа, а в (3) – притяжательная форма 1 лица единственного числа обладателя «родительного» / «винительного» падежа единственного числа).

² Зная острую нелюбовь Ариадны Ивановны к нагромождению терминов, вводимых в разные годы разными исследователями для одного и того же, в данной работе мы намеренно используем как можно более простой терминологический аппарат. И обсуждаемая нами описательная проблема не сводится к терминам, и, как нам хотелось бы надеяться, наше решение тоже не сводится к терминам.

(1) ee-xoni-n? *ŋa-f* kixu
 Л³ мать-LOC.SG-OBL.SG.1SG существовать-3SG.PST идол
 'У моей матери был идол'.

(2) ee-b *n-e midir?* n-i-u? an?
 Л мать-NOM.SG.1SG ребенок носить-CONN NEG-3SG.S.CONT и
 'А моя мать ведь была беременна'.

(3) ee-p? *esi an? kudaxan d'aguma-j*
 Л мать-OBL.SG.1SG отец и давно отсутствовать.INC-3SG.S.PST
 'А отец моей матери давно умер'.

Система ядерных падежных форм включает в себя не только «простые» и притяжательные формы, но еще и т. н. предназначительные⁴. В этих формах после предназначительного показателя следует маркер притяжательности, который помимо собственно лица и числа обладателя несет в себе и значение одного из ядерных падежей (в (4) представлена предназначительная форма 1 лица единственного числа обладателя именительного падежа единственного числа, а в (5) – предназначительная форма 1 лица единственного числа обладателя «родительного»⁵ падежа единственного числа). Локативных падежей предназначительные формы не имеют.

(4) ebu-xoa *d'a-kaz entsi-do-j?*
 Л что-FOC земля-ABL.SG человек-DEST.SG-NOM.SG.1SG
 to-tsu an?
 прийти-DEB.3SG.S и
 'С какой-нибудь земли человек для меня, может быть, придет еще'.

(5) busi-zo-n? *tu-bu-n?* səjza
 Л старик-DEST.SG-OBL.SG.1SG взять-CVB.COND-OBL.SG.1SG хороший
 'Хорошо бы мне взять его в мужья'

Если состав парадигмы локативных падежей полностью совпадает во всех работах, в которых с той или иной детальностью обсуждается энецкая падежная система, а их номенклатура совпадает с точностью до очевидно синонимических наименований (например, «продольный» ~ «пролатив» ~ «прозекутив»), то состав парадигмы ядерных падежей оказался предметом дискуссий – как способ их наименова-

³ Сокращениями Л и Т мы помечаем примеры из двух имеющихся диалектов энецкого языка – лесного и тундрового диалектов соответственно. Поскольку рассматривается в настоящей работе проблема в равной степени актуальна для обоих диалектов, мы практически не обсуждаем различия между ними. Если специально не оговаривается иное, все делаемые нами утверждения верны и для лесного, и для тундрового энецкого.

⁴ Также называемые назначительными, лестинативными, предстинативными или дезидеративными.

⁵ У предназначительных форм этот падеж называют также «назначительным» [0].

ния (в особенности применительно к предназначительным формам), так и их количество. Задачу настоящей работы мы видим в том, чтобы предложить описание системы ядерных падежей, которое выглядело бы как можно более простым и адекватным и при этом учитывало бы все имеющиеся факты.

Начнем с цитат из двух работ, к которым неизбежно обращается всякий, у кого вызывает интерес грамматическая система энецкого языка. В кратком, но исключительно насыщенном очерке энецкой грамматики, написанном Н. М. Терещенко, сказано: «Винительный падеж не имеет четкого падежного показателя. М. А. Кастрен ставил знак равенства между винительным и родительным падежами, а Г. Н. Прокофьев – между винительным и именительным» [Терещенко 1966: 443]; и тем не менее, всё описание Н. М. Терещенко строится на выделении отдельных друг от друга именительного, винительного и родительного падежей. В единственной подробной энецкой грамматике И. П. Сорокиной читаем: «К субъектно-объектным падежам в энецком языке относятся именительный (номинатив) и бенефактив-партитив (назначительно-парциальный)» [Сорокина 2010: 61]; И. П. Сорокина, таким образом, не упоминает родительный и винительный падежи вовсе, а ниже [Сорокина 2010: 99–110] приводит определенные аргументы в пользу невыделения этих падежных форм в энецком языке. Очевидно, что перед нами сложный случай, требующий более детального изучения как точек зрения исследователей, так и собственно материала.

Рассмотрим сведения о ядерных падежах существительных в энецком языке, представленные в литературе, в хронологическом порядке.

В первой по времени работе [Castrén 1854], в том числе и по аналогии с другими самодийскими языками, в энецком языке выделяются три ядерных падежа: именительный, родительный и винительный – при этом, в интерпретации М. А. Кастрена, для непротяжательных форм родительный и винительный падежи всегда совпадают [Castrén 1854: 169–178], а у притяжательных форм винительный падеж совпадает с именительным или родительным в зависимости от числа существительного и от лица обладателя: во множественном и двойственном числе винительный падеж всегда совпадает с именительным, а в единственном числе – с именительным для 1 лица обладателя и с родительным для 2–3 лица обладателя [Castrén 1854: 293–304]. Собственно притяжательные аффиксы существительных различают две серии – «первую», которая всегда используется для именительного падежа, и «вторую», которая всегда используется для родительного падежа [Castrén 1854: 293]; для винительного падежа, таким образом, совпадение с именительным или родительным имеет место посредством выбора, в зависимости от указанных условий, притяжательного аффикса из «первой» или «второй» серии. Применительно к предназначительным формам М. А. Кастрен выделяет только два падежа – именительный и

родительный, в зависимости от выбора притяжательного показателя «первой» или «второй» серии.

В очерке [Прокофьев 1937] у энечких существительных выделяются три ядерных падежа: именительный, родительный и винительный. Для притяжательных форм множественного числа существительного делается прямое утверждение о том, что винительный падеж совпадает с именительным, а все прочие совпадения могут быть выведены только из приводимых автором показателей. Применительно к предназначительным формам Г. Н. Прокофьев также выделяет три падежа – именительный, винительный и назначительный [Прокофьев 1937: 84], без обсуждения совпадения каких-либо форм.

Как можно видеть, процитированное выше утверждение Н. М. Терещенко о том, как интерпретируется система энечких ядерных падежей в работах ее предшественников, не вполне точно: ни в каком случае речь не идет о полном совпадении винительного падежа с каким-либо другим. Непосредственно в [Терещенко 1966] также выделяются три ядерных падежа: основной, родительный и винительный. Применительно к непротяжательным формам Н. М. Терещенко сообщает, что винительный падеж не имеет собственного маркирования и может совпадать как с именительным, так и с родительным – в зависимости от определенности прямого объекта, выражаемого существительным [Терещенко 1966: 443]. В остальном Н. М. Терещенко описывает систему энечского языка так же, как Г. Н. Прокофьев. Так, применительно к притяжательным формам множественного числа существительного Н. М. Терещенко прямо говорит о совпадении винительного падежа с именительным, но совпадение у притяжательных форм единственного числа винительного падежа частично с именительным, а частично с родительным никак не комментируется – и, видимо, тем самым считается случайным. Как и Г. Н. Прокофьев, у предназначительных форм Н. М. Терещенко выделяет три падежа: основной, винительный и назначительный, замечая по поводу последнего, что «назначительном [падеже прибавляются] лично-притяжательные суффиксы для родительного падежа» [Терещенко 1966: 445]. Практически полностью описание Н. М. Терещенко повторяет описание падежной системы существительных в [Киппар 1999] и кратком очерке энечской грамматики [Лабанаускас 2002].

Выходит, что при ближайшем рассмотрении все обсуждавшиеся выше описания не так значительно отличаются друг от друга, как кажется при первом впечатлении. Во всех случаях и для непротяжательных форм, и для притяжательных форм, и для предназначительных форм (в последнем случае – за исключением [Castrén 1854]) речь идет о системе из трех ядерных падежей – именительного, винител-

ного и родительного (или назначительного в случае предназначительных форм). У притяжательных и предназначительных форм ядерные падежи различаются выбором показателя притяжательности, причем винительный падеж всегда совпадает либо с именительным, либо с родительным; соответствующие показатели (в современном варианте лесного диалекта) представлены в Таблице 1. У непротяжательных форм винительный падеж не имеет собственного маркирования и описывается либо как совпадающий с родительным, либо как допускающий совпадение с именительным, и с родительным.

Таблица 1. Притяжательные показатели энечского языка (лесной диалект) согласно традиционному описанию системы ядерных падежей.

ед. ч. существительного			дв. и мн. ч. существительного		
им.	вин.	род.	им.	вин.	род.
1 ед.	-j?, -b	-p?			-n?
2 ед.	-t	-d	-z		-t
3 ед.	-za	-da	-za	-da, -ta	
1 дв.	-j?, -bi?	-n?			-n?
2 дв.	-ri?	-di?	-zi?		-di?, -ti?
3 дв.	-zi?	-di?	-zi?		-di?, -ti?
1 мн.	-a?, -ba?	-na?			-na?
2 мн.	-ra?	-da?	-za?		-da?, -ta?
3 мн.	-zu?	-du?	-zu?		-du?, -tu?

Прокомментируем теперь образование непротяжательных ядерных падежей, а точнее, «родительного падежа» (так как «именительный падеж» может рассматриваться как исходный, а «винительный падеж» всегда совпадает либо с «именительным», либо с «родительным»). Единственным отмеченным в литературе и представленным в нашем массиве данных показателем какого-либо из ядерных падежей у непротяжательных форм является показатель родительного падежа единственного числа -?. Еще в [Прокофьев 1937: 80] этот показатель охарактеризован как «малоупотребительный». В современном лесном диалекте этот показатель не употребляется совсем, в современном тундровом диалекте он факультативен, ср. употребления с ним и без него в (6).

- (6) tea-? ja-? tuka subo-xon tin
T олень-OBL.SG нога-PL топор спина-LOC.SG так
d̥ɔzi-t-e-za избить-FUT-SOpl-3SG.SOpl
'Олени ноги она обухом топора так долбила'.

В остальном же форма «родительного падежа» может быть противоставлена форме именительного падежа только выбором основы, и это противопоставление возможно только в двух случаях.

Первый случай, сохраняющийся в современных системах обоих энечких диалектов, касается существительных с чередующимися

основами (существительных II класса в терминологии [Терещенко 1966]): в именительном падеже единственного числа у них используется основа, оканчивающаяся на /?/ (первая основа в терминологии [Терещенко 1966]) (7a), а в «родительном» (7b) и факультативно «вительном» (7c) падежах единственного числа – более полная основа (вторая основа в терминологии [Терещенко 1966]); у существительных с нечредующимися основами (существительных I класса в терминологии [Терещенко 1966]) во всех случаях используется единственная основа, ср. (8a–c).

- | | | |
|---------------|---|-------------------|
| (7) a. тε? b. | тεz <i>dii</i> | |
| Л | чум чум | |
| | ‘чум’ | |
| c. | эпεj тεz тεкta- ^j յuz-? | tara-? |
| | энецкий чум поставить-CVB | шест-PL надо-CONN |
| | пї-m? | |
| | NEG-3PL.S.CONT | |
- ‘Чум чтобы поставить, нужны шесты’.
- | | |
|-----------|-------------------------------------|
| (8) a. te | b. te kova |
| Л | олень олень шкура |
| | ‘олень’ ‘шкура оленя’ (elic.). |
| c. te | koburu-da-? |
| | олень ободрать-FUT-3PL.S |
- ‘Олея они обдерут’.

Второй случай, зафиксированный в литературе начиная с [Castrén 1854: 174], но, по-видимому, не сохранившийся в современных системах обоих энечких диалектов⁶, представляет собой косвенная основа множественного числа у ряда существительных; последние по времени данные, в которых зафиксировано данное различие основ именительного и неименительного падежей множественного числа существительных, приводятся в [Терещенко 1966: 443] (с последующим воспроизведением в [Терещенко 1973: 179]): Л *дяхъ* *daxa*-? ‘река-PL’ (именительный падеж) vs. *дяхъ* *daxi*-? ‘река-PL’ (родительный / винительный падеж).

После поясняющего экскурса в морфологию обсуждаемых форм перейдем к обсуждению точки зрения И. П. Сорокиной, автора единственной подробной грамматики энечского языка. Кратко сформулированная еще в [Сорокина 1986] и [Сорокина 2005: 474], а впоследствии подробно изложенная в [Сорокина 2010: 61–111, 122–139], данная трактовка принципиально отличается от всех рассматривавшихся выше описаний с тремя ядерными падежами. И. П. Сорокина строит

описание таким образом, что все обсуждавшиеся нами морфологические возможности вообще выводятся за пределы падежной парадигмы, и как следствие, оказывается возможным, напротив, включить в состав падежной парадигмы предназначительные формы и описывать их как единственный ядерный падеж («назначительно-парциальный»), помимо именительного. Морфологические различия в непрятяжательных формах И. П. Сорокина рассматривает как свободные варианты; напомним, что эти различия в современном состоянии лесного диалекта сводятся, а в современном состоянии тундрового диалекта – почти сводятся к противопоставлению двух основ у существительных с чередованиями, продемонстрированному в (7a-b)). Морфологические различия в притяжательных формах, связанные с выбором алломорфа притяжательного показателя, И. П. Сорокина рассматривает за пределами падежной системы, выделяя прямой, объектный и косвенный «ряды» показателей притяжательности [Сорокина 2010: 124–125], фактически соответствующие именительному, винительному и родительному падежам притяжательных форм, выделяемым в других работах. Описательное решение И. П. Сорокиной, безусловно, выглядит «экстремальным», хотя в первую очередь и сугубо терминологически (вопреки многовековой традиции морфологические различия, связанные с различием субъектной, объектной и приименной синтаксических позиций не называются падежными), но весьма интересно. Во-первых, обсуждавшиеся нами выше морфологическое различие между ядерными и локативными падежами естественно приводит к интерпретации тех и других как отдельных, никак не связанных друг с другом категорий (с чем содержательно мы готовы согласиться, хотя и предпочли бы использовать более привычную терминологическую пару «ядерные падежи» vs. «локативные падежи», а не «ряды» vs. «падежи»). Во-вторых, нетривиальным кажется сам факт, что неожиданно выясняется, что морфологическая система энечского существительного, разные исследователи которого выделяли в нем родительный и винительный падежи, может быть описана и без этих падежей. Заметим, однако, что, по крайней мере для притяжательных и предназначительных форм, описание И. П. Сорокиной в реальности близко традиционному: «ряды» в ее описании, как мы уже сказали, являются, главным образом, терминологической заменой ядерным падежам, а их количество и дистрибуция остаются прежними.

Ниже мы рассматриваем некоторые дополнительные факты, касающиеся употребления обсуждавшихся непрятяжательных, притяжательных и предназначительных форм, и предлагаем собственную трактовку системы ядерных падежей энечского существительного.

⁶ Наши данные по лесному диалекту здесь совпадают с данными, приводимыми в краткой статье [Сигл 2008].

2. Дополнительные факты об употреблении ядерных падежей

Обсуждавшиеся факты не исчерпывают употребления имеющихся форм ядерных падежей – в первую очередь, притяжательных и предназначительных. Неверно, что, пользуясь данными, приведенными в Таблице 1, и посылкой о том, что именительным падежом оформляется подлежащее, винительным – прямое дополнение, а родительным – именная группа, зависимая от другого имени или от послелога, мы можем всегда предсказать притяжательную или предназначительную форму существительного во всех названных контекстах. Если для подлежащего и приеменного или припоследожного зависимого этой информации действительно достаточно, то правила выбора формы прямого дополнения устроены сложнее.

Сравнительно широко обсуждается в литературе фактор императива 2 лица, прямое дополнение при котором стоит в именительном падеже (на материале самодийских языков в [Wickman 1955: 93–95], [Терещенко 1967: 290], [Терещенко 1973: 177–178], [Терещенко 1974: 236], [Comrie 1975], [Сигл 2008: 7–8], на материале других уральских языков (в первую очередь финского) в [Wickman 1955: 13], [Moreau 1971], [Timberlake 1975], [Comrie 1975], в типологической перспективе в [Гусев 2005: 175–177], [Malchukov & de Hoop 2011]). Для притяжательных форм именительный падеж в данном контексте является, вероятно, единственным возможным (9). Предназначительные формы допускают как именительный падеж (10), так и «винительный», совпадающий с «родительным», (11):

- (9) *tſiki nezi-ku-r* *see-xuru-d i-z mis*
 Л этот теленок-DIM-NOM.SG.2SG кто-EVEN-DAT NEG-2SG.IMP дать.CONN
 ‘Этого своего теленочка никому не давай!’

- (10) *sira-zo-r* *tſulu-?* *an'*
 Л снег-DEST.SG-NOM.SG.2SG откопать-2SG.S.IMP и
me-to-r *tõni mõkta-?*
 чум-DEST.SG-2SG.NOM.SG там поставить-2SG.S.IMP
 ‘Снег откопай и поставь там чум’.

- (11) *tſaj-zo-d* *tidis,*
 Л чай-DEST.SG-OBL.SG.2SG купить-2SG.S.IMP
kirba-zo-d *tidis*
 хлеб-DEST.SG-OBL.SG.2SG купить-2SG.S.IMP
 ‘Чаю себе купи, хлеба себе купи’.

В позиции прямого дополнения засвидетельствованы так же предназначительные формы, трактуемые традиционным описанием как формы «родительного» («назначительного») падежа, который никак не ожидается в этой синтаксической позиции. Такие употребления не отмечены в литературе⁷, но фактически представлены в обоих энецких диалектах (12)–(13). Следовательно, в рамках традиционного описания, для прямо-

⁷ Но упоминаются в докладе [Siegl 2008].

го дополнения в определенных контекстных условиях в принципе могут быть использованы формы всех трех ядерных падежей.

- (12) *vedrɔ mu-zo-ni?* *tſiri zo-ni?*
 Л ведро PLC-DEST.SG-OBL.SG.1SG икра-DEST.SG-OBL.SG.1SG
ri-ni-gi?
 положить-CONJ-2DU.S/SOsg

- ‘Ведро этого, икры мне положите’.
- (13) *modi kane-bu-ni?* *soua a-zaraha*
 Т я пойти-CVB.COND-OBL.SG.1SG хороший быть-SUPP.3SG.S
pe-zo-ni? *kuusa-a*
 дерево-DEST.SG-OBL.SG.1SG принести-NMLZ
 ‘Кажется, хорошо бы мне пойти привезти’.

Наконец, представлены значительно более маргинальные случаи неожиданного падежного оформления прямого дополнения – использование именительного падежа вне обсуждавшегося выше фактора императива⁸

- (14) *tſiki kasa-da* *nen ... tſiki bize-ku-zi?*
 Т этот товарищ-OBL.SG.3SG с этот вода-DIM-NOM.PL.3DU
o-da-z?
 съесть-FUT-3DU.SOpl

‘С этим его товарищем они выпьют эту свою водичку’.

Описание выбора одного из ядерных падежей для оформления прямого дополнения, таким образом, оказывается довольно сложным, причем не всегда имеющим типологические параллели: если выбор именительного падежа при императиве встречается в других языках мира, то использование в этом синтаксическом контексте «родительного» падежа выглядит более чем неожиданно.

3. Описание с двумя ядерными падежами

Обратим теперь внимание на следующий факт, казалось бы, находящийся на поверхности, но никогда не отмечавшийся в обобщенном виде в литературе по энецкому языку: во всех представленных случаях мы имеем выбор из двух, а не трех форм ядерных падежей, а трехпадежная система возникает исключительно за счет идиосинкритического распределения этих двух форм между тремя падежами, фигурирующими в описаниях. Это верно для непротяжательных форм – и в случае использования (в современном варианте – только факультативно в тундровом диалекте) морфологического показателя «родительного падежа» ~*-2*, и в случае сохраняющегося в обоих диалектах различия ядерных падежей единственного числа при помощи двух различных основ у существительных с чередованиями, и в случае ныне утраченного в

⁸ На материале других самодийских языков (преимущественно ненецкого) некоторые дополнительные факторы для использования притяжательных форм именительного падежа в функции прямого дополнения называются в [Терещенко 1973: 178–181], ср. обсуждение в [Күнппар 2009]. Но непосредственно в энецком языке примеры типа (14) остаются предметом дальнейшего исследования.

обоих диалектах различения ядерных падежей множественного числа, также при помощи двух различных основ. Это верно для притяжательных и предназначительных форм, ядерные падежи которых различаются выбором притяжательных показателей: в Таблице 1 ни для одной лично-числовой формы ни для одного из чисел существительного не различаются одновременно и именительный, и винительный, и родительный (для предназначительных форм – «назначительный») падежи. Далее, во всех случаях либо совпадают все три ядерных падежа, либо имеются ясно противопоставленные друг другу формы именительного и «родительного» (для предназначительных форм – «назначительного») падежей, а «винительный» падеж всегда совпадает либо с тем, либо с другим – иными словами, если использовать распространенный в российской лингвистике термин из [Зализняк 1973], «винительный» падеж в традиционном описании энечких ядерных падежей существительного является морфологически несамостоятельным, потому что всегда совпадает либо с именительным, либо с «родительным».

Зададимся вопросом: возможно ли описание рассматриваемого фрагмента энечкой падежной системы без введения морфологически несамостоятельной единицы и будет ли такое описание более естественным и адекватным, чем принятое ранее с ней? По нашему мнению, ответ на этот вопрос положительный: мы предлагаем описывать систему энечких ядерных падежей как двучленную, т. е. состоящую из именительного и косвенного падежа. Если на первую часть вопроса положительный ответ более или менее самоочевиден⁹, то адекватность такого решения требует обоснования, которое предлагается ниже.

Для ясности сформулируем еще раз организацию системы энечких ядерных падежей существительных, как мы ее видим в предлагаемомами описании. Энечкие существительные имеют два ядерных падежа: именительный и косвенный. В непротяжательных формах единственного числа в лесном диалекте у существительных без чередований ядерные падежи не различаются, а в тундровом диалекте факультативно различаются при помощи показателя косвенного падежа -? у существительных с чередованиями ядерные падежи единственного числа различаются выбором основы. В Таблице 2 для иллюстрации приводятся фрагменты парадигм существительного без чередований Л te T tea ‘олень’ и существительного с чередованиями Л me? T me? ‘чум’ для обоих диалектов.

Таблица 2. Фрагменты парадигм единственного числа существительных Л te T tea ‘олень’ и Л me? T me? ‘чум’ (лесной и тундровый диалекты).

⁹ Ср. общую формулировку, предложенную в той же работе [Зализняк 1973]: «Одно и то же грамматическое явление может быть описано либо как наличие в языке особого морфологически несамостоятельного падежа, либо как чисто синтаксическая особенность (наличие расчлененных правил управления для некоторых ситуаций)» [Зализняк 2002 (1973): 629]. Но за скобками этой – с очевидностью верной – формулировки остается наиболее интересная, как нам кажется, сторона дела: какое из этих описаний будет интуитивно более естественным.

Л te T tea ‘олень’			Л me? T me? ‘чум’	
	Л	T	Л	T
им. ед.	te олень	tea олень	me? чум	me? чум
косв. ед.	te олень	tea, tea-? олень, олень-OBL.SG	mez(u) чум	mez(o), mez(o)-? чум, чум-OBL.SG

В непротяжательных формах множественного числа в современном состоянии обоих диалектов ядерные падежи не различаются, а в ранее различались выбором основы у некоторых существительных; в Таблице 3 для иллюстрации приводится фрагмент парадигмы существительного Л современное d'эха, ранее d'аха ‘река’ в современном варианте лесного диалекта и более раннем, зафиксированном в [Терещенко 1966].

Таблица 3. Фрагмент парадигмы множественного числа существительного Л современное d'эха, ранее d'аха ‘река’ (лесной диалект в современном и более раннем состоянии).

Л (современное состояние)		Л (данные [Терещенко 1966: 443])	
им. мн.	d'эха-? река-PL		d'аха-? река-PL
косв. мн.	d'эха-? река-PL		d'аху-? река-PL

В притяжательных и предназначительных формах ядерные падежи различаются выбором притяжательного показателя; в Таблице 4 приводится наша интерпретация данных, представленных в Таблице 1; в Таблице 5 для иллюстрации приводится фрагмент парадигмы существительного Л busi ‘старик, муж’ – притяжательные и предназначительные формы ядерных падежей единственного и множественного числа для 1 и 2 лица единственного числа обладателя.

Таблица 4. Притяжательные показатели энечского языка (лесной диалект).

	ед. ч. существительного		дв. и мн. ч. существительного	
	им.	косв.	им.	косв.
1 ед.	-j?, -b?	-n?		-n?
2 ед.	-r	-d	-z	-t
3 ед.	-za	-da	-za	-da, -ta
1 дв.	-j?, -bi?	-n?		-n?
2 дв.	-ri?	-di?	-zi?	-di?, -ti?
3 дв.	-zi?	-di?	-zi?	-di?, -ti?
1 мн.	-a?, -ba?	-na?		-na?
2 мн.	-ra?	-da?	-za?	-da?, -ta?
3 мн.	-zu?	-du?	-zu?	-du?, -tu?

Таблица 5. Фрагменты парадигмы существительного Л busi 'старик, муж' (лесной диалект).

	1 л. ед. ч. притяж.	1 л. ед.ч. предназн.
им. ед.	busi-j? старик-NOM.SG.1SG	busi-zo-j? старик-DEST.SG-NOM.SG.1SG
косв. ед.	busi-n? старик-OBL.SG.1SG	busi-zo-n? старик-DEST.SG-OBL.SG.1SG
им. мн.	busi-n? старик-PL.1SG	busi-zi-n? старик-DEST.PL-PL.1SG
косв. мн.	busi-n? старик-PL.1SG	busi-zi-n? старик-DEST.PL-PL.1SG
	2 л. ед.ч. посс.	2 л. ед.ч. предназн.
им. ед.	busi-t старик-NOM.SG.2SG	busi-zo-t старик-DEST.SG-NOM.SG.2SG
косв. ед.	busi-d старик-OBL.SG.2SG	busi-zo-d старик-DEST.SG-OBL.SG.2SG
им. мн.	busi-z старик-NOM.PL.2SG	busi-zi-z старик-DEST.PL-NOM.PL.2SG
косв. мн.	busi-t старик-OBL.PL.2SG	busi-zi-t старик-DEST.PL-OBL.PL.2SG

В сформулированной нами системе из двух ядерных падежей их дистрибуция описывается следующим образом. Подлежащее всегда стоит в именительном падеже, для синтаксически неприоритетных позиций, обслуживаемых ядерными падежами (приименная именная группа, припослеложная именная группа, обстоятельство со значением функции), всегда используется косвенный падеж, а для прямого дополнения используются и именительный, и косвенный падежи в зависимости от ряда факторов (часть из которых еще ждет своего детального исследования).

Описание, в рамках которого все особенности распределения ядерных падежей сводятся к выбору для прямого дополнения именительного или единственного другого возможного в этой позиции падежа, ставит энечкий язык в один ряд со множеством других языков, для которых засвидетельствована возможность подобной дистрибуции. Соответствующая проблематика получила в современной типологической литературе название «дифференцированного маркирования объекта» (чтобы не загромождать работу обширной библиографией, назовем только две ссылки [Lazard 2001] и [de Swart 2007]). И хотя дистрибуция энечких именительного и косвенного падежей определенно не сводится к какому-либо одному семантическому параметру из называвшихся в литературе (например, к наиболее часто упоминаемым определенности или одушевленности), само по себе это кажется скопрее поводом для дискуссии в рамках общей типологии данной проблематики, чем для отказа от предлагаемой нами интерпретации.

Рассмотрим теперь все обсуждавшиеся факторы дистрибуции форм, используемых для прямого дополнения, в свете двухпадежного описания.

Прежде всего, всё становится на свои места в случае непрятяжательных форм, о которых уже известно, что прямое дополнение может иметь обе возможных ядерно-падежных формы и что, по предварительным данным [Терещенко 1966: 443], [Терещенко 1973: 179], это связано с его определенностью¹⁰. Более того, формулировка Н. М. Терещенко [Терещенко 1966: 443], состоящая в том, что, в зависимости от определенности прямого дополнения, винительный падеж может совпадать с основным (именительным) или с родительным, в любом случае вряд ли может быть признана удачной, т.к. она подразумевает, что фактически энечское существительное имеет два различных винительных падежа. Приравнивание в непрятяжательных формах винительного падежа только к родительному, которое мы находим у М. А. Кастрена [Castrén 1854: 169–178], описательно более корректно, но фактически оно и означает, что в непрятяжательных формах мы имеем дело с системой из двух ядерных падежей.

Наиболее нетривиальным следствием нашей двучленной интерпретации ядерных падежей оказывается распределение именительного и косвенного падежей в зависимости от числа существительного и от лица обладателя в притяжательных и предназначительных формах (это распределение можно интерпретировать как своеобразную «плату» за отказ от третьего ядерного падежа). Так, мы говорим, что при отсутствии других факторов в единственном числе существительного прямое дополнение оформляется именительным падежом в случае притяжательной или предназначительной формы с обладателем 1 лица, а косвенным падежом – в случае притяжательной или предназначи-

¹⁰ Отметим, однако, что более точное распределение именительного и косвенного падежей требует дальнейшего исследования. С одной стороны, приводимые Н.М. Терещенко пары примеров немногочисленны (и, очевидно, взяты не из естественных текстов). С другой стороны, согласно ее данным, распределение именительного и косвенного падежей в позиции прямого дополнения прямо противоположно общетипологической тенденции. В обширной типологической литературе показано, что если определенность является одним из факторов для выбора падежа прямого дополнения, то неопределенное прямое дополнение оформляется именительным падежом, а определенное – неименительным. Н.М. Терещенко применительно к энечскому языку пишет буквально следующее: «Имя, совпадающее по своей форме с формой основного падежа, служит для характеристики определенности прямого дополнения, а имя в форме, совпадающей с формой родительного падежа, такого значения не имеет» [Терещенко 1973: 179]; ср. также приводимые ею примеры:

(i) a. ba? тәdee-z? (ба" модэз?)
загон (NOM) видеть-1SG.S

'Вижу загон (уже известный)'.

b. baz-? тәdee-z? (баз' модэз?)
загон-OBL.SG видеть-1SG.S

'Вижу загон (впервые)' [Терещенко 1973: 179]

чительной формы с обладателем 2–3 лица (например, в (15) мы видим именительный падеж в случае обладателя 1 лица единственного числа, а в (16) – косвенный падеж в случае обладателя 3 лица единственного числа). Во множественном и в двойственном числе существительного числа). Во всегда оформляется именительным падежом (направление дополнение всегда оформляется именительным падежом (например, в (17) мы видим именительный падеж в случае обладателя 3 лица единственного числа).

- (15) modi-ta-^r kasa-^{j?}, tʃiki
Л увидеть-FUT-2SG.SOsg мужчина-NOM.SG.1SG этот
n'e-kutſa-ku-^{j?}
ребенок-DIM2-DIM-NOM.SG.1SG
'Увидишь моего товарища, этого моего ребеночка'.
- (16) n'e-kutſa-da anⁱ ... te-koni-da kaji-bi-za
Л ребенок-DIM2-OBL.SG.3SG и чум-LOC.SG-3SG оставить-PRF-3SGSOsg
'А своего ребенка... она оставила дома'.
- (17) bu anⁱ n'i-za seŋ-i-za
Л он(а) и ребенок-NOM.PL.3SG жалеть-SOp1-3SG.SOp1
'Она тоже своих детей жалеет'.

В настоящей работе мы не пытаемся объяснить именно такое распределение, но хотели бы отметить, что наша трактовка отличается от большинства предыдущих эксплицитным признанием существования этого распределения как такого. В литературе же по энечкому языку тот факт, что в единственном числе мы имеем дело не с полностью хаотическим совпадением, а с противопоставлением 1 лицо обладателя vs. 2–3 лицо обладателя, в явном виде отмечен только в [Castrén 1854: 293], в то время как для множественного числа «совпадение именительного падежа с винительным» отмечается во всех описательных работах.

Фактор императива 2 лица, влияющего на выбор именительного падежа для прямого дополнения, проиллюстрированный выше в (9)–(10), а также неизученные другие факторы, благодаря которым мы сталкиваемся с примерами типа (14), равно естественно описываются в рамках трехчленной, и в рамках двучленной системы ядерных падежей.

Наконец, примеры с дестинативными формами типа (12)–(13), как нам кажется, значительно более естественно описываются в одном ряду с другими случаями выбора между именительным и косвенным падежами, чем в рамках традиционного описания, где мы были бы вынуждены говорить об использовании родительного падежа в контексте прямого дополнения. За счет примеров (12)–(13) в рамках описания с тремя ядерными падежами оказывается, что для синтаксической позиции прямого дополнения возможно использование всех трех ядерных падежей, и, таким образом, введение дополнительного морфологически несамостоятельного винительного падежа в описание вовсе не снимает необходимости описания распределения ядерных падежей в функции прямого дополнения, а напротив, вынуждает описывать дис-

трибуцию трех, а не двух различных форм. Кроме того, поскольку примеры типа (12)–(13) засвидетельствованы только с предназначительными формами, в рамках описания с тремя ядерными падежами требуется специальное объяснение того, что использование родительного падежа для прямого дополнения невозможно у непредназначительных форм. Это тем более существенно, что, как показывает материал естественных текстов, выбор косвенного падежа вместо ожидаемого из других факторов именительного не случаен, а обусловлен дополнительными, действующими только в случае предназначительных форм, факторами. В лесном диалекте не ожидаемая исходя из более общего фактора числа существительного и лица обладателя форма косвенно-падежа возможна, хотя и не обязательна, только в перифлексивных бенефактивных контекстах (в случае референциального несовпадения субъекта и реципиента), как в предложениях типа (18), но не типа (19) (см. подробнее [Ханина, Шлуинский 2010]). В тундровом диалекте та же форма, по всей видимости, возможна, хотя и не обязательна, только для специфического (то есть с известным говорящему референтом) предназначительного прямого дополнения, как в предложениях типа (20), но не типа (21):

- (18) kədu-ku-zo-ni?^r təza
Л сани-DIM-DEST.SG-OBL.SG.1SG принести.3SG.S
'Он саночки мне дал'.
- (19) re-kutſa-zo-j?^r eu məkta-da-z?^r
Л дерево-DIM2-DEST.SG-NOM.SG.1SG сюда поставить-FUT-1SG.S
'Палочку себе я сюда поставлю'.
- (20) təzʃikxəz kasa-zo-^{n?} tua-^{z?}
Т потом мужчина-DEST.SG-OBL.SG.1SG PLC-1SG.S
'Потом я замуж вышла'.
- (21) ne-zo-^{j?} r̩iɔ-lo-bu-^{n?}
Т женщина-DEST.SG-NOM.SG.1SG искать-INCH-CVB.COND-OBL.SG.1SG
'Если я жену себе найду'.

Таким образом, в рамках описания с двумя ядерными падежами, факты, связанные с их дистрибуцией в позиции прямого дополнения, описываются либо более естественно, либо так же естественно, как и в рамках традиционного описания с тремя ядерными падежами.

Кроме того, за пределами оформления прямого дополнения, обратим внимание на еще две детали, которые в рамках нашего описания выглядят значительно более естественными. Во-первых, формальное сходство между приименными и припоследожными притяжательными формами, с одной стороны (типа формы, представленной в примере (3)), и предназначительными формами в синтаксическом контексте обстоятельства функции, с другой стороны (типа формы, представленной в примере (5)), нисколько не удивительно, если мы говорим о косвенном ядерном падеже, который употребляется во всех неприори-

тетных синтаксических контекстах, и необъяснимо, если в первом случае мы говорим о «родительном», а во втором – о «назначительном» падеже. Во-вторых, вполне закономерно, что в притяжательных формах локативных падежей (типа формы, представленной в примере (1)) используются притяжательные показатели для косвенного, а не именительного падежа; традиционное же описание, гласящее в той или иной форме, что «к формам местных падежей во всех числах добавляются лично-притяжательные суффиксы родительного падежа» [Терещенко 1966: 444], не дает интуитивно очевидного объяснения.

4. Заключительные замечания

Итак, в настоящей работе было предложено описание системы ядерных падежей существительных в энецком языке как включающей два элемента – именительный и косвенный падежи, – в противопоставлении описанию той же системы как включающей три элемента – именительный, винительный и родительный / назначительный падежи, – представленной в работах предыдущих исследователей. Мы надеемся, что нам удалось показать, что устранение из описания винительного падежа, который всегда совпадал бы либо с именительным, либо с родительным, не только делает описание более экономным, но и позволяет описывать многие факты более интуитивно естественным образом.

В заключение хотелось бы сделать две оговорки и одно наблюдение.

Первая оговорка состоит в том, что в рамках данной работы мы говорили о ядерных падежах только существительных (и морфологически тождественных им вопросительных местоимений и производных от них), но не о ядерных падежах личных местоимений. Система и дистрибуция ядерных падежей личных местоимений иначе – в частности, в контексте прямого дополнения у личного местоимения всегда используется одна и та же форма, ср. в примере (22) форму личного местоимения 1 лица единственного числа *mod* ‘я’ в позиции прямого дополнения при императиве 2 лица:

- (22) *fi?* i-z ɔ-?
Л я.ACC NEG-2SG.IMP съесть-CONN
'Меня не ешь!'

Вторая оговорка необходима в связи с тем, что мы рассматривали систему энецких ядерных падежей исключительно в синхронном аспекте. Наше описание применимо к энецкой падежной системе как представленной в речи современных носителей обоих диалектов, так и зафиксированной более 150 лет назад М. А. Кастреном, но не подразумевает сопоставления с системами других самодийских языков, в которых винительный и родительный падежи морфологически противопоставлены друг другу и именительному падежу.

Наконец, хочется закончить следующим наблюдением: решение, принятное нами для энецкого языка, по сути, близко к наиболее типично-му описательному решению для родственных прибалтийско-финских языков, имеющих сходную ситуацию с ядерными падежами (например, систематически все прибалтийско-финские языки описываются как не имеющие винительного падежа в [Елисеев и др. (ред.) 1993]). Более того, среди имеющихся описаний энецкой падежной системы содержательно ближе всех к предлагаемому нами анализу находится самое первое описание энецкого языка [Castrén 1854]. В парадигмах М. А. Кастрена у непротяжательных форм существительных фактически представлены две строки для именительного vs. неименительного ядерных падежей, у предназначительных форм – видимо, на чисто морфологических основаниях – выделяются только два падежа, именительный и родительный; в парадигмах притяжательных форм представлены именительный, родительный и винительный падежи, но в предваряющем их тексте в явном виде указаны все формальные совпадения в их системе – т. е., фактически, показана морфологическая несамостоятельность винительного падежа, а о сериях притяжательных показателей, различающих ядерные падежи у притяжательных форм, сказано, что их две (а не три). Таким образом, наше описание можно рассматривать как незначительное уточнение описания М.А. Кастрена, остающееся к тому же в рамках традиционной уралистики (ср. описания прибалтийско-финских языков), а не как глубокую полемику с традицией.

Кстати, тому, что всё новое – это хорошо забытое старое, нас тоже научила именно Ариадна Ивановна.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, ABL – ablativ, ACC – винительный падеж, CONJ – конъюнктив, CONN – коннектив, CONT – «контрастивная» серия лично-числовых окончаний, CVB – деепричастие / инфинитив, CVB.COND – деепричастие условия, DAT – датив, DEB – лебитив, DEST – предназначительные (дестинативные) формы, DIM – диминутив, DU – дв. число, EVEN – ‘даже’, FOC – фокусный показатель, FUT – будущее время, IMP – императив, INC – инцептив, INCH – инхоатив, LOC – местный падеж, NEG – отрицательный глагол, NMLZ – имя действия, NOM – именительный падеж, OBL – косвенный падеж, PL – мн. число, PLC – словозаместитель, PRF – перфект, PST – серия лично-числовых окончаний прошедшего времени, S – субъектное спряжение, SG – ед. число, SO₁ – субъектно-объектное спряжение для объекта мн. числа, SO₂ – субъектно-объектное спряжение для объекта ед. числа, SUPP – предположительное наклонение

Литература

- Гусев В. Ю. 2005. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкоизучания РАН.
Елисеев Ю. С., Майтлинская К. Е., Романова О. И. (ред.). 1993. Языки мира: Уральские языки. М.: Наука.

- Зализняк А. А. 1973. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука. С. 53–88.
 Цит. по: Зализняк, А. А. 2002. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ. М.: Языки славянской культуры. С. 613–647.
- Лабанаускас К. И. 2002. Родное слово: энцыкльские песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы. СПб.: Просвещение.
- Прокофьев Г. Н. 1937. Энечский (ениссийско-самоедский диалект) // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. М.; Л.: Учпедгиз. С. 75–90.
- Сигел Ф. 2008. Изменения в языке лесных энцев // Кошкарёва Н.Б. (ред.). Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа, №6 (58). Уральские языки севера Сибири. Салехард. С. 3–12.
- Сорокина И. П. 1986. Категория притяжательности в энечском языке // Языки народов севера Сибири. Сборник научных трудов. Новосибирск. С. 61–75.
- Сорокина И. П. 2005. Энечский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Т. III. М.: Наука. С. 470–479.
- Сорокина И. П. 2010. Энечский язык. СПб.: Наука.
- Терещенко Н. М. 1966. Энечский язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука. С. 438–457.
- Терещенко Н. М. 1967. Выражение субъектно-объектных отношений в структуре предложения (на материале самодийских языков) // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Ленинград: Наука. С. 289–297.
- Терещенко Н. М. 1973. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука.
- Терещенко Н. М. 1974. Особенности употребления падежных форм в самодийских языках // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л.: Наука. С. 233–242.
- Ханина О. В., Штуцинский, А.Б. 2010. Дестинативные формы в энечском языке (на материале лесного диалекта) // Материалы 3-й международной конференции по самодистике. Новосибирск: Любава. С. 247–260.
- Castrén M. Alexander. 1854. Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.
- Comrie Bernard. 1975. Subjects and direct objects in Uralic languages: a functional explanation of case-marking systems // Études Finno-Ougriennes XII. P. 5–17.
- de Swart, Peter. 2007. Cross-linguistic variation in object marking. PhD thesis. Nijmegen: Radboud University.
- Künnap, Ago. 1999. Encts. München: Lincom.
- Künnap, Ago. 2009. Use of the nominative of Samoyedic substantives as instances of object and attribute // Linguistica Uralica XLV, 2. P. 119–126.
- Lazard, Gilbert. Le marquage différentiel d'objet // Haspelmath, Matin, et al. (eds.). Language typology and language universals. An international handbook. Vol. 2. Berlin – New York: Walter de Gruyter. P.873–885.
- Malchukov, Andrej L., & Helen de Hoop. 2011. Tense, aspect, and mood based differential case marking // Lingua 121 (1). P.35–47.
- Moreau, Jean-Luc. 1971. La correlation du sujet et de l'objet en finnois // Études Finno-Ougriennes VIII. P. 193–202.
- Siegl, Florian. 2008. Applicative on NP – evidence from Northern Samoyedic. Paper presented at the 23rd Scandinavian Conference of Linguistics in Uppsala.
- Timberlake, Alan. 1975. The nominative object in Finnish // Lingua 35. P. 201–230.
- Wickman, Bo. 1955. The form of the object in the Uralic languages. Uppsala – Wiesbaden: A.-B. Lundeqistska Bokhandeln & Otto Harrassowitz.

to
call
con

stru
Bal
etc.
bec
fra:

of
str
det
po
ab
pō
ab

so
ha
re
cc
te
ca
m
Ir
si
se
p
T
s

v
t
c
t
;